

НОВЫЕ ОНЕЖСКИЕ БЫЛИНЫ

Меч князя

А. Корнилов

18+

Александр Корнилов
Меч князя. Часть первая.

«Автор»

2026

Корнилов А. А.

Меч князя. Часть первая. / А. А. Корнилов — «Автор», 2026

Героическое фэнтези о поисках заговоренного меча на фоне ордынского ига.
Трое молодых дружинников путешествуют по просьбе князя по русскому Северу.

© Корнилов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Корнилов

Меч князя. Часть первая.

Глава

Часть первая.

Пролог.

- Вот внемли, княжич, - начал седой дед, созданный для развлечения юного князя Глеба и знающий по слухам много разных сказаний, легенд и былин.

- Не княжич, - ломающимся голосом сердито опроверг Глеб Василькович, - князь есмь. Князь Белозерский!* Сколько раз говорено!

- Прости, княже, за ради Христа, а уж я тебе сегодня чистую правду поведаю, как жил-был на свете в прежние времена еще один князь Глеб, - дед вопросительно взглянул на князя и покосился на ковшик с пивом.

- Ну хлебни давай да сказывай! – поторопил князь, которому от роду было четырнадцать лет, - что за князь такой?

- Так вот, Глеб Святославич - это старший сын князя Святослава, внук самого Ярослава Мудрого. И он был очень похож на своего отца. Дерзок, храбр, смыслен. Трижды захватывал Тмутаракань и трижды княжил в Новгороде. Много славных и чудных дел успел совершить.

Будучи в Тмутаракани, вместе с дружиной прошел по льду от своего берега до Тавриды, да не просто прошел, а вымерял – сколько саженой. Вышло аж четырнадцать тысяч*

В первый свой приезд Глеб только-только обосновался в Новгороде, как к городу подступает сам Всеслав Полоцкий, про него ходили слухи, что он родился от колдовства, может превращаться в зверя и вообще колдун знатный. Он пару лет до того уже ходил на Новгород и разбил войско сидевшего здесь князя Мстислава Изяславича. Сам Новгород был наполовину сожжен, часть новгородцев была уведена в полон. А еще Всеслав Полоцкий разграбил новгородские церкви и даже увез с собой колокола, включая колокол Софийского собора. Для Глеба такая война - хуже не придумаешь. Новгородцы к нему еще не привыкли, не прославил себя ничем, а тут такой супостат. Глеб собирает новгородское ополчение - не только матерых дружинников, но и местных парней, которые раньше в настоящих битвах не бывали, только в ушкуйных походах. Выводит их за город и принимает бой. Всеслав был разбит и даже попал в полон. Неслыханное дело! Правда, через некое время Глеб его отпустил. Но с этих пор Всеслав Чародей ни разу больше не ходил на Новгород.

В другой раз в Новгороде объявился волхв, предсказывает будущее, лечит болезни, читает мысли. Город за ним идет весь - от меньших людей до вятших*. Дошло до того, что толпа с волхвом во главе направляется к епископу. Хотят расправы. Глеб с дружиной - в малой силе, дружина невелика.

Тогда князь подходит к волхву один - без оружия на виду, спрятав под плащом топор, и спрашивает:

- Знаешь ли, что будет завтра и что сегодня до вечера?

- Знаю все, - хвастается волхв.

- А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?

- Чудеса великие сотворю!

Глеб достает из-под плаща топор и убивает волхва одним ударом. Толпа в растерянности расходится.

А жизнь князя Глеба закончилась худо. Когда в Киеве сел новый князь Всеволод Ярославич, брат его отца, Глеб на то время княжил в Переславле*, но по повелению дяди он был отправлен на княжение в Новгород, в третий раз. Через год новгородцы изгнали Глеба.

Почему-то князь не поехал на юг, а отправился в леса Заволочья, и там был убит местной чудью заволочской*. Тело его дружина принесла в Чернигов, вотчину Святославичей.

- А нам-то от этого что за польза? Разве поучение... - задумчиво произнес юный князь.

- Так тело-то князя в Чернигове схоронили, а вот меч его так и не нашли, остался где-то в Заволочье, на полночь от Кубены-реки.

- Ну забрали себе чудины, раз побили его. Всяко не один был, с какой-никакой дриной...

- Меч тот, княже, бают – не простой был, а заговоренный. Сколько раз Глеб с этим мечом сухим из воды выходил...

- Да сколько веревочке ни виться, а конец сыщется, не так, наверно, умереть ему мечталось, - задумчиво молвил князь.

- Видать, какой-то запрет нарушил, вот меч и потерял силу, али служить перестал. Я мыслю, что служить Глебу меч не замог более. Потому и пропал, - старик вдруг остро и пристально взглянул на князя исподлобья.

- Ладно, занятно ты сказываешь. Ныне ступай, мне государскими делами заняться надо, - и Глеб Василькович мановением руки отпустил сказителя, а сам глубоко задумался. После недолгого раздумья вдруг встрепенулся, кликнул слугу.

- Старика давешнего созови, расспросить надо подробно.

- А нету его, княже. Вышел из терема, через двор прошел, вышел за ворота. Ушел.

- Так пошли сыскать, ежели знаете, где он на постой встал! Ну!

- Сей миг, княже!

Однако, старик не пришел на постоянный двор, не было его ни в корчмах, ни на торгу. А вот воротная стража его не видела. Белоозеро – невелик городок, но сколько ни искали – так и не нашли сказителя.

Глава 1.

Коротки ночи в северной Руси, особенно в июне в ясную пору. Не успеет отгореть вечерняя заря, как оком уже горит утренней зарей. Так и говорят – зори целуются. Солнышко лишь на малое время скрывается за горизонтом – и снова поднимается. Волшебное время: - кругом тишина, солнце всю светит, но все спят, даже воздух как бы спит в полной неподвижности. В такую пору может внимательный человек увидеть солнечный ветер, когда при полной неподвижности воздуха взглянешь на тень от березы или черемухи – и о, чудо! Кажется, что листья трепещут и как-то непонятно кружатся, находясь, однако, на одном месте.

Старшему дозора на воротной башне речных ворот Каргополя-города* было некогда ловить солнечный ветер. Опытный, он уже давненько заметил струг*, что шел под парусом со стороны озера Лаче и гадал: - пристанет или дальше вниз по реке пойдет? Дремавших на скамейке тут же на башне двоих подчиненных пока не будил – ни к чему. Вот когда на струге напротив города опустили парус и на веслах повернули к пристани, старшой растолкал стражей. Те быстро протерли глаза и взяли в руки взведенные самострелы, потому что струг ловко причалил к пристани, и с него сошли трое в недешевой одежде и при мечях. Перекрестились на крест церкви, хорошо видимый с пристани, и подошли к воротам. Остановились в трех шагах от ворот, и один из них, высоченный детина, поднял голову вверх и негромко свистнул.

- Пса своего так окликай! – негромко, но сурово ответил дозорный, а второй выставил взведенный самострел, - чего надо, кто такие?

- Так-то вы встречаете послужилцев своего господина, белозерского князя Глеба? – язвительно поинтересовался верзила с усмешкой.

- А ты что за боярин такой, что мы тебя узнавать должны?

- Боярин не боярин, а княжеский дружинник.

- Ха, дружинник! Отрок*, небось?

- А хоть бы и отрок. Лучше в Белоозере отроком быть, чем в вашей деревне воеводой, – со смехом ответил отрок, а его спутники тоже одобрительно засмеялись.

По виду все они были очень молоды, лет по шестнадцать. Только верзила выглядел малость старше. Но не он был главным, ибо все время оглядывался на светловолосого круглолицего парня с длинными, ниже плеч волосами, связанными по новгородской моде на затылке в хвост. Этот молчал, но очень внимательно разглядывал все вокруг. Третий, поджарый, с шапкой рыжевато-выющихся волос, по виду больше всего походил на нурманна*, которого старшой однажды видел в охоронцах* у новгородского купца. Тем более, что на парне были кожаные штаны и рубаха с кожаным оплечьем, как у морехода. У всех троих на небедных воинских поясах висели очень неплохие мечи. Остроглазый дозорный даже разглядел, что мечи были явно не парадные, ибо ременная оплетка рукоятей была изрядно повитерта.

Длинноволосый, казалось, рассмотрел все, что нужно и легким мановением руки прервал своего рослого спутника, который, было, собирался продолжить куртуазную беседу.

- Здрав буди, воин. Отправь человека на княжеское подворье, пусть молвит наместнику заветное слово – кладенец. Поспеш, – негромко, но очень четко проговорил он.

- Слыхал? – обратился старшой к самом молодому в дозоре, – бежи да передай.

Воин положил на скамью самострел и торопливо затопал сапогами вниз по лестнице. Парни тем временем уселись на бревно у края пристани. Рослый повернулся к стругу и снова свистнул. Над бортом поднялась лохматая голова, кивнула в ответ на жест парня, и вскоре со струга пришел заспанный корабельщик с котомкой. Парень принял ее, развязал, извлек не очень свежий утиральник* и расстелил прямо на пристани. Следом из сумы был извлечен изрядный шмат сала, полкаравая хлеба, вяленый лещ и баклажка. Длинноволосый вынул пробку и подал ее корабельщику. Тот сделал несколько крупных глотков, крякнул и вернул, утерев рукавом губы и уходя обратно на струг.

Парни по кругу приложились к баклажке и принялись за сало с хлебом, нарезанные похотим на нурманна. Когда они уже заканчивали свой завтрак, к воротам со стороны города рысью подбежал воротившийся дозорный, а с ним воротник с княжеского подворья.

- Отворяй ворота! – крикнул он, даже не поглядев на тех, кто стоял с той стороны, – живее отворяй!

- А не ори! – рывкнул старшой дозорный, – не горит ничего! – однако, вместе с напарником спустился вниз и кивнул в сторону ворот. Двое дозорных приоткрыли одну створку, вынув из проушин засов, прибывшие вошли, наконец, в город и следом за воротником двинулись через торговую площадь к княжескому подворью.

На подворье их уже ждали: – дворский*, после приветствий, предложил им пройти в молодечную* – позавтракать и отдохнуть. От завтрака парни отказались, а в молодечной сразу блаженно вытянулись на лавках и мгновенно уснули. Перед тем, как смежить веки, длиноволосый обратился к дворскому:

- Как наместник проснется – подай сюда по пирогу, да квасу. А потом нас буди. Умоемся, перекусим – и наверх.

Когда город проснулся, и на колокольне колокол позвал народ Православный к заутрене, проснулись и приехавшие, вышли на двор и умылись у бочки с дождевой водой. Дворский, увидев их, тут же прислал челядинца с пирогами и квасом. Сам присел тут же и, дождавшись, когда они позавтракают, позвал их к наместнику.

Наместник, племянник двоюродного брата белозерской княгини, то есть княжьего рода, Юрикович, но безо всякой надежды стать хотя бы удельным князем, сидел на сеньях* в кресле. Парни вошли и поклонились в пояс, правда, с неким развальцем, дескать, выполняем требование этикета всего лишь, ибо наместник был их старше самое большее на пару лет.

- Здрав будь, господине*, - начал длинноволосый, - я – княжий отрок Никита Лешкович. Это – он указал на кудрявого, - княжий отрок Борг Максимов, а это – Русин, сын ловчего Кузьмы, также отрок княжий. Посланы мы нашим господином, князем белозерским Глебом Васильковичем, а пошто* - прописано в сей грамоте, - достал из котомки круглый деревянный пенал и с поклоном подал наместнику. Тот встал и принял пенал, отложив на столик возле кресла.

- Прочту и помыслию о сем деле. Ныне же зову вас отобедать с нами после обедни.

Когда парни, поклонившись, вышли, на сени из трапезной вышел седой муж. Когда-то он явно был богатырского сложения, а ныне его подточили то ли годы, то ли раны или хвори. Вошел и сел на лавку поближе к наместнику.

- Что скажешь, Володимир Борисович? – обратился к нему наместник, - али сперва грамоту прочитаем?

- Вестимо с грамоты надо начинать, - ответил Володимир чуть дребезжащим голосом, - ты уж читай, а я послушаю. Вижу не так, как раньше.

- Добро, - ответил наместник, взял пенал, вынул из него свернутый пергамент и стал читать про себя. Прочел и уронил руку со свитком.

- Ну? – спросил Володимир.

- Вот так-так! Ведаешь ты, Борисыч, что князь Глеб спит и во сне видит с Ордой за отца своего поквитаться, да и за деда*?

- По слухам знаю о том, да с твоих слов, господине. Только зря он себя распаляет, ибо сил на месть у него нет. А убить кого – так Орда на Белоозеро пойдет, то будет беда всей Владимирской Руси. Бог даст – старшие князья того не допустят, особливо Великий князь Владимирский. У него не посвоевольничаешь.

- Да, суров Александр Ярославич*, но, мыслю, прав. Нельзя нового погрома допустить, когда только-только поднялись после Неврюевой рати*.

- И пяти годов еще не прошло. Да молод еще Глеб, а советников мудрых наверно не спрося отправил своих сверстников на этакое дело. Эко! Меч Глеба Святославича сыскать!

- А ты слышал про то?

- Сказывали старые люди – сын Великого князя киевского Святослава Ярославича* Глеб, в который раз изгнанный из Новагорода, в наших краях убит был. А до того, как пропасть, много дел свершил сей князь, только впрок не пошло ему все. А был, бают*, и разумен, и храбр.

- А меч?

- В том и дело, что меч у него был заговоренный, с которым ему удача была во всем. Только, мыслю я, меч тот сам по себе не мог вадить* во всем, еще что-то надо сотворить было. Иначе не сгинул бы впустую удалой князь. Его потом хоронить в Чернигов, в родительскую вотчину увезли, а вот меч пропал. Поди, чудины присвоили.

- Ну так нам-то что сотворить? Жалко мне отроков невесть куда, может на смерть лютую отправлять. А и не отправить нельзя. Сами ведь пойдут, я бы на их месте точно пошел.

- Не по летам ты мудр, господине. Не отправим, а дозволим им идти на поиск, только сперва я с ними переговорю, кой-чего посоветую, чтобы дуром не сгинули. Найдут вряд ли, но пока ищут, отправим гонца во Владимир до Великого князя, так, мол, и так, а Белозерского князя надо добром вразумить.

- Никак, Борисыч, ты меня доносчиком хошь сделать? Чтобы я на своего князя ябеду отправил*?

- Ну пошто сразу ябеду? Есть у меня во Владимире бояре знакомые, им грамотку и отошлю с верным человеком. А с боярами теми я на ратях бывал, они мне верят, а я им. Они князю и доведут по-годному. Миша Прушанин, али Гаврила Олексич*.

- Ох ты! И пошто ты тут у меня сидишь, коли с такими княжьими ближниками знаком?

- Так здешний я, вот и потянуло на старости годов домой, - просто ответил Владимир, но наместник явно был озадачен и смотрел на него как-то по-новому, видимо силясь понять – так ли прост этот местный боярин и воевода здешней дружины. Однако, тот смотрел прямо и открыто, чуть улыбаясь. И наместник решил подождать.

- Добро, Борисыч, делай. А ныне вели тут на сених накрыть столы да пошли за отцом настоятелем да посадским старостой, да кого из купцов созови, ну и своих десятников, чтобы на пир было похоже.

- Дельно, господине. Сразу скольких зайцев бьешь: - гостей чествуешь, видоков* соби-раешь, дабы волю белозерского князя при всех объявить...ну и не грех напомнить всем, что ты тоже не кто-нибудь, а княжеского роду*, - высказал одобрение воевода и, слегка поклонившись, вышел.

Сказано – сделано. Когда отдохнувшие и посвежевшие гости явились на сени, там уже был накрыт стол, во главе которого сидел наместник, справа от него – воевода Владимир Борисович, слева – настоятель Христорождественского собора* отец Александр. Рядом с воеводой сидели трое десятников местной дружины, а рядом со священником – староста посада по прозвищу Бобоша, и купец Олекса Борисович, родной брат воеводы и тоже местный боярин, но по какой-то причине не пошедший на службу князю, а занявшийся торговлей. Злые языки уверяли, что торговля у него какая-то необычная, некрупная, но приносящая солидный доход. Был Олекса напоказ скромн, на застолье у наместника пришел в самой обычной одежде, безо всяких украшений. Женщин за столом не было, ибо наместник был еще не женат, а без хозяйки приглашать женщин было заказано* по обычаю. К столу наместника был приставлен перпендикулярно еще небольшой стол со скамьей так, чтобы усевшиеся за него гости оказались как раз напротив. Отец Александр благословил брашна и питье*.

Первым встал со своим кубком наместник, на правах хозяина представивший прибывших местной элите, провозгласив в заключение здравицу и гостям, и князю Глебу Васильковичу. Все встали и выпили. После закуски налили по второй, поднялся Никита Лешкович и произнес витиеватый тост о здравии всех, здесь сидящих, а в первую очередь – наместника.

Снова выпили и закусили, и третий тост за град сей и в нем живущих выдал воевода Владимир. После выпивки и закуски вновь встал наместник и объявил, что гости прибыли аж из Белоозера не просто так, а с важным поручением от князя Глеба, а потому надлежит всем присутствующим оказывать им помощь в исполнении оногo. Кто не захочет – тот будет враг* и князю, и ему, наместнику.

Присутствующие по очереди заверили наместника, что всяческая помощь будет по необходимости оказана всенепременно. После чего гости стали вкушать яства и выпивать пиво, разговаривая о своем вольно и непринужденно. Воевода шепотом наказал слуге, наливавшему пиво, почаще наполнять кубки гостей, надеясь, что те захмелеют и выболтают что-нибудь интересное, только парни ели хорошо, а вот пили по глоточку. Наместник с той же целью пытался напоить воеводу, только с еще меньшим успехом. Правда, в отличие от отроков, воевода пил как в бочку, но вот не пьянел – и все тут!

После пира гости вернулись в молодечную и улеглись спать сытые и довольные. Уснули сразу.

Никита проснулся неожиданно, как будто его хорошенько встряхнули, сел на лавке. Дру-зья безмятежно спали. В молодечной царил мрак, поскольку волоковые окна* были с вечера закрыты. Отрок поднялся на ноги и, стараясь не шуметь, вышел на двор. Тут же от стены отде-лилась крупная темная фигура. Человек шагнул к Никите и сделал успокаивающий жест.

- Кто ты? – тихо спросил Никита, не испугавшись, а лишь встревожившись.

- Я это, – человек сдвинул на затылок надвинутую низко на брови шапку, и Никита признал воеводу Владимира.

- Чего же среди ночи воевода аки тать* ходит? – усмехнулся отрок.

- Ночью лишних ушей меньше, парень, – снисходительно ответил воевода, – разговор у нас непростой будет, не для всех. Ты, я вижу, разумен и сдержан не по летам, потому и старшим князь тебя поставил. И знаешь, что в той грамоте писано, так?

- Знаю, так что?

- А то, что самим вам меч этот не найти. Но искать надо, раз приказано. Послушай меня, не торопись. Подите завтра на торг* и поспрашивайте – нет ли охотников из-за Волги-реки?

- Ты, воевода, ничего не путаешь? Нам не за Волгу...

- Да не та Волга, в которую Шексна впадает. У нас тут своя Волга течет, в Онегу впадает. Отсюда до нее день пути, ежели прямо на восход. А ежели по реке – то менее дня вниз по Онеге до устья, а там уж против течения. Только, мыслю я, вам сподручнее посуху. Там на Волге село Рягово*, раньше градец малый был, а ныне просто село, большое и богатое. И переправа, паром на тот берег. Оттуда вам путь на Нянду*. Горы на восходе, ох и велики! Камнем усыпаны, лесом еловым заросли, озера между гор протоками соединены, болота бездонные. Народ там непростой живет, а всякий, с разных мест пришедший. Коли горы эти пройти на восход, то выйдете на озеро Мошинское, там погост новгородский стоит. Давно стоит. Вот ежели до погоста этого дойдете и ничего не узнаете – ступайте назад.

- Ну а что, охотники из-за Волги с этих гор аж сюда доходят? И проведут, ежели награду посулить?

- Есть такое дело, только плату спросят немаленькую. А ты не скупись, Никита, ежели что – у брата моего проси серебра, я накажу ему, и он даст. Не в рост, чай Христиане мы*. С утра и подите на торг. А ныне иди почивай, ибо светать начинается, – и воевода, надвинув шапку на глаза, отступил в тень.

Никита вернулся в молодечную и снова улегся на лавку, закрыл глаза и почти сразу уснул. Ни он, ни воевода не видели, как после их ухода еще одна тень проскользнула вдоль стены терема и исчезла, как бы пройдя сквозь тын.

Утром, умывшись и позавтракав, Никита, Борг и Русин отправились на торг, но сначала решили заглянуть в церковь, ибо негоже пройдя такой путь не возблагодарить Бога. В церкви между заутреней и обедней было малоллюдно, человек пять мужей да две женщины, явно местные горожане. Правда, у входа в придел молился, стоя на коленях, монах. Когда отроки, пожертвовав по новгородской чешуйке* на храм, взяли по свече и, помолясь, поставили их перед иконой Николы-угодника, покровителя странствующих и путешествующих, монах встал с колен и перекрестил всех троих разом. Борг и Русин замерли на месте, а странный монах вдруг оказался сбоку от Никиты:

- Ведаешь ли ты, Никита, что вернешься из похода потеряв себя нынешнего? – вдруг звучным голосом спросил он.

- Не ведаю, отче, – ответил Никита.

- Все вы себя и потеряете, и обретете, – продолжал монах, – а вот к добру или к худу – неведомо. Ищите, да обрящете, а обрящете не то, что ищете.

- Темны слова твои, отче, – вздрогнув, ответил Никита, – пошто загадками говоришь?

- Хочешь узнать разгадку – приходи один к вечерней службе и подойди после к отцу Александру. Аминь! – с этим словом монах негромко хлопнул в ладоши. Борг и Русин вздрогнули, разом повернувшись к Никите:

- Ты где был? Мы тебя потеряли, – встревожено молвил Русин, а Борг кивнул, подтверждая его слова.

- Как где? Тут я был, с монахом говорил.

- С каким монахом? Где? – Русин и Борг заоглядывались, - нет тут никакого монаха. Никита тоже огляделся – монаха действительно не было.

- Видать, ушел в алтарь в приделе, - ответил он, перекрестившись, - пошли на торг.

На торгу было довольно многолюдно. Однако, опыт походов на гораздо более многолюдный и богатый торг в Белоозере подсказал, что охотников летом надо искать не возле мехов, а в лавке оружейника, ибо там продают наконечники стрел, рогатин, топоры, ножи и гвозди. Если охотников там нет, то лавочник знает их и укажет – где найти. Отрокам повезло – возле прилавка стояли трое мужей, одетых в кожу и холстину, с добрыми ножами на поясах. Они без азарта торговались с приказчиком за наконечник рогатины.

- Здравы будьте, люди добрые, - поздоровался Никита, подойдя к прилавку, - не из охотников ли вы будете тутошних?

- А тебе-то что за дело до нас? – ответил неприветливо самый молодой, высокий плечистый парень в кожаных штанах и замшевой рубахе, перепоясанный широким ремнем аж с тремя пряжками, поверх которого – узкий, навроде воинского, пояс с небольшими ножнами, украшенными медными нащепками.

- Ты, молодец, никак вежеству* не обучен, - огорченно сказал Никита, - с тобой здороваются, а ты в ответ...

- А мне здоровья хватает, - продолжал нарываться парень, - вот у тебя, поди, маловато еще.

Двое других усмехнулись слегка глумливо.

- А давай поглядим - у кого здоровья больше? – Никита подобрался и отступил от прилавка, поманив охотника за собой.

- Нет, - вдруг произнес Борг, - давай я.

Он живо снял с себя пояс с ножом и стянул через голову рубаху. Старшие охотники разом погасили глумливые улыбки, ибо Борг был поджар и мускулист. Мышцы не выпирали, но угадывались вполне заметно. А когда отрок вскинул перед собой руки и чуть ссутулился – и вовсе притихли. Впрочем, молодой их товарищ тоже избавился от ремней и рубахи. Возле их тут же начал собираться народ.

- Что поставишь на кон, человеке? – спросил Никита охотника.

- Да что хошь, - небрежно бросил тот.

- Значит, одно желание победителя, - подытожил приказчик, - а ты, отрок?

- Пояс с ножом, - ответил Борг.

- Ух ты... - кто-то в толпе пробормотал громко, - воинский пояс...

Народ уже образовал перед лавкой круг, а приказчик, получив две серебряные чешуйки от Никиты, поднял руку и резко опустил:

- Сходитесь!

Охотник стремительно прыгнул, вскинутой рукой попытавшись схватить Борга за шею, а второй врезал по ребрам, однако, Борг мотнул головой, уходя из захвата, а кулак охотника сбил ребром ладони в сторону. Охотник тут же боднул отрока головой, стараясь попасть в нос, одновременно вскинув колено, чтобы ударить в живот, но Борг, немыслимо изогнувшись, ушел от обоих ударов. Охотник зарычал и, бросившись вперед, начал молотить кулаками, стараясь пробить защиту отрока, но вдруг присел и выкинул вперед ногу, целясь в голень, однако, ноги Борга на месте не оказалось, зато его кулак двинул лесовика в скулу, нога подцепила вытянутую ногу, дернула вверх, и охотник шмякнулся пятой точкой о плотно утопанную землю. Тут же вскочил, как подброшенный пружиной и снова выкинул вперед ногу, но Борг крутанулся и ударом пятки в солнечное сплетение отправил противника в толпу, которая подхватила его, не дав упасть. Однако, охотник все-таки расслабленно опустился на землю. Борг подошел к нему и, нагнувшись, протянул руку.

- Вставай, друже.

Тот только помотал головой, однако, руку взял и попытался встать, морщась от боли. Тут подскочил Русин с некоей баклажкой в руке и протянул ее охотнику, который все так же морщась отхлебнул...отхлебнул еще и улыбнулся. Затем, опираясь на руку Борга, поднялся на ноги.

- Ну что, твоя взяла, друже. Пойдем в корчму, что ли? Выпьем пива за знакомство, я ставлю.

- Одного меня зовешь или всех троих? – уточнил Борг.

- Ну так и нас трое, так, дядя Кузьма? – обернулся охотник к старшему из своих спутников. Тот утвердительно кивнул, и все шестеро двинулись в сторону корчмы. Несколько зевак, надеясь, видимо, на дармовую выпивку, увязались следом, но Никита с Кузьмой разом обернулись и так глянули, что те разом повернули назад, а Никита и Кузьма поглядели друг на друга и усмехнулись по-доброму.

В корчме в такое время еще малоллюдно, за одним столом кушали уху двое заезжих смердов, явно не бедных, да в углу, привалившись к стене и закутавшись в опашень*, надвинув на глаза шапку-мурмолку, дремал некий человек, перед которым на столе стояла наполовину пустая кружка и тарелка с початым рыбником*.

Маявшийся бездельем служка, увидев вошедших, метнулся на кухню, и оттуда сразу вышел хозяин – муж лет пятидесяти в простой рубахе, украшенной, однако, искусной вышивкой и подпоясанный красивым тканым поясом, за который был заткнут обычный ножик в ножнах. На первый взгляд – корчмарь среднего достатка, но наблюдательный Никита разглядел, что вышита рубаха шелковыми нитками, рукоять ножа – моржового клыка*, а на безымянном пальце левой руки – массивный серебряный перстень с крестом. Так что средний достаток сразу стал под вопросом. Хозяин оказался и информирован неплохо.

- Добро пожаловать, гости Белозерские, дружинники славные! Здравы и вы будьте, охотники. Здорово, Кузьма, - в меру приветливо обратился он к посетителям, - что велите подать – сей миг все будет.

- Исполать тебе, хозяин, - ответил Никита, - подай нам пива и закуску. Сейчас вроде не пост, мяса жареного.

- И еще подай, Шатун, рыбников с соленой семужкой, - добавил Кузьма.

- Ладно, - ответил хозяин уже менее приветливо и ушел на кухню.

- Чего это он? – спросил Никита Кузьму.

- Не любит, когда это его прозвище вспоминают. Так-то его Всеволодом зовут, а Шатуном раньше...

Тт. показался служка с подносом, за ним второй с бочонком и глиняными кружками, поэтому Кузьма замолчал. Все уселись за накрытый стол, молодой охотник небольшим черпаком начал разливать пиво по кружкам. Когда налил всем, стоя обратился к сотрапезникам:

- Ну, люди добрые, за знакомство. Меня зовите Олёшка Вяхирь*, со мной – Савватий, а старшой у нас – дядя Кузьма.

- За знакомство, - ответил Никита и представил своих спутников, после чего все выпили и принялись за еду, не забывая опрокидывать кружечки. После третьей Кузьма обратился к Никите:

- Ну теперь рассказывай, пошто охотников искали? Считай, нашли.

- Дело у нас такое, поручение княжеское. На восход, в Нянду сходить.

- Ну сходить туда не велик труд. До Рягова лесом мимо Шалги дорога наезжена, на телеге можно ехать. А вот за Волгой до Нименьги, до Конды – только верхом. А далее либо лодкой, либо пешком. В Нянде дорог нет, а тропы не для коней. Сколько вас, трое?

- Нас – трое.

- А что, еще кто надумает с вами идти?

- Вроде нет. Поклажи мало.

- Дядя Кузьма, - чинно спросил Вяхирь, - вы с Савватием так и так по своим подворьям пойдете, какая летом охота, а я бы сходил с ними. Вот только о плате уж сами с ними уговоритесь, добро?

- Ты на Нянде одиножды был, да и то краем прошел. Заможешь ли?

- Так спросим там...

- Ага, там так ответят, что и костей ворон назад не принесет. Ну да Бог милостив, поди, коли шило в одном месте. Вот, Никита, нашелся вам провожатый. За полгривны серебра. Плату вперед.

- Однако, Кузьма, не много будет?

- У парня мать вдовая да две сестренки. Он сгинет – им по миру идти куски собирать.

- Добро, Кузьма. Заплатим. Когда готов будешь? – Никита повернулся к Вяхирю.

- Так на завтра дома дела доделаю, в церкву схожу, а на другой день и пойдем. Кони у вас есть? У меня есть конёк, невелик, да вынослив. Надо – и вам найду. Да вон у хозяина тутошнего, у Всеволода под заклад можно взять. И заклад невелик – те же полгривны за трех коников, да еще припасов прикупить. Он честный, худого не подсунет.

- Оно, конечно, вам бы обождать седмицу – другую...сейчас самая пора для гнуса в лесу, а леса там еловые, ветерка никакого нет, - задумчиво вымолвил Кузьма.

- Так муравейников-то в лесу много, средство верное* – тряпицу на время положить на муравейник, потом мурашей стряхнуть, да тряпицей той утереться – гнус и отстанет, - напомнил Вяхирь, а на ночлег – трутовик зажечь*.

- Ну сами глядите, как вам лучше. Коли не терпеж – так идите, - не стал больше отговаривать Кузьма, - покликать Шатуна?

- Покличь.

Подошедший на зов хозяин был резок и категоричен:

- Коней губить не дам, гнус их заест, взбесятся и убегут волкам на поживу. Да и вам не советую в те края соваться. Вот весь мой сказ. И баять не о чем более, - после чего так же наотрез отказался даже от увеличенного заклада.

- Ну вот, а наместник обещал любую помощь, - разочарованно протянул Русин, - может ему сказать, так даст коней?

- Вестимо, у наместника кони есть, - ответил Кузьма, - спросите, коли так торопитесь. Оно конечно, с конями вы за трое дён* до Нянды доберетесь, а своим ходом – как бы и не седмицу идти.

На том и порешили – допили пиво и разошлись, наказав Вяхирю завтра прийти к вечеру на двор к наместнику. Когда за ними закрылась дверь корчмы, дремавший в углу посетитель оживился, сел прямо, и сна – ни в одном глазу.

- Что скажешь? – обратился к хозяину.

- Да нечего тут и сказать, надумали – пусть идут. Нехудо бы и тебе до них пристать да с ними сходить. Бежи в Шалгу, там их жди. Они тебя не видели, сам сообразишь, как к ним невзначай пристать, парень ты неглупый.

- Добро, так и сделаю, - ответил посетитель. Теперь, когда он вышел из угла, стало видно, что это невысокий жилистый муж, годов тридцати. Одет как охотник, но одежда добротная, хорошо сшитая, а на поясе – короткий охотничий меч, который он умело прятал под опашнем. Светлые прямые волосы и борода аккуратно подстрижены.

- Савелию надо что передать? – спросил он хозяина.

- Поклон. И то, что отроки эти – те, кем прозываются. Не вороги и не подсылы*.

- Ну прощевай покуда, дядя Всеволод.

- Доброго пути тебе, Врабий*.

Наместник, к которому после возвращения из корчмы обратились отроки, дал трех верховых и одного вьючного, посетовав, что кони не боевые, а обыкновенные, тягловые, но объез-

жены под седло. Отроки поблагодарили его и разделились: - Русин остался развлекать наместника пристойной беседой, проще говоря – рассказывать всякие новости, которые известны в Белоозере, ибо любил поговорить со знатными персонами; Борг отправился на конюшню смотреть коней и сбрую, ибо в конях разбирался так же хорошо, как его давний предок в драккарах*; Никита же вспомнил, что ему надлежит после вечерней службы быть в церкви. Туда он и направил свои стопы. Вечернее богослужение уже началось, народ в городе был явно благочестивый, ибо храм был полон. Однако, место Никите нашлось, и он, пригасив усилием воли суетные мысли, начал повторять с раннего детства заученный семипоклонный начал*:

- Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Твоя Матере, силою Честнаго и Животворящего Креста и святаго ангела моего хранителя, и всех ради святых, помилуй и спаси мя, яко Благ и Человеколюбец, аминь.

Как всегда, с погружением в молитву пришло успокоение и умиротворение, мелкие хлопоты и тревоги отступили, пришла уверенность, что все дела и заботы разрешимы с Божьей помощью. Когда же богослужение закончилось, и народ покинул храм, Никита остался и дождался, когда отец Александр подошел к нему, благословил и удивил вопросом:

- Хочешь поведать мне, грешному, о беседе с неким монахом, сыне?

Был священник невысок, строен, светловолос и светлобород, смотрел умными глазами прямо и твердо.

- Так и есть, отче. Некий инок наказал после вечерней к тебе подойти. А сам он где?

- Увы, сыне, нет еще ни одного монастыря в здешних палестинах*, так что и монахов нет. А инок сей, - не дав Никите открыть рот для вопроса продолжил отец Александр, - два раза на моей памяти был явлен, сегодня, значит, в третий раз. Чудо Господне. Однако, в прошлые разы указал он мне помочь неким людям, мыслю, что и тебе то надобно. Вот, - отец Александр взял с аналая маленький сверток и развернул его. На чистой тряпице лежали три массивных серебряных перстня с печатками в виде крестов.

- Бери, сыне. Один – тебе, а два – твоим спутникам.

- Отче, перстни эти дорого стоят, у меня столько серебра с собой нет...да и вовсе нет. Как я могу...

- Не кручинься, сыне, сие тебе не дар, а оружие. И серебра у нас в достатке.

- Какое же это оружие, отче? Супротив кого?

- Места тут непростые, сыне, светом Истинной Веры не столь давно просвещены, потому тут и колдуны, и ведьмы, и другие... нелюди живут. Мир Божий сложнее, нежели кажется в местах обжитых и многолюдных. Так что бери и носи вот тут, - показал отец Александр безымянный палец левой руки с таким же перстнем, - ежели придет нужда – бей им врага в непокрытое ничем место.

- А что, отче, и тебе доводилось бить?

- Увы, сыне, грешен. Доводилось.

- Какой же в том грех?

- Нечисть слова пастырского должна страшиться, а коли пришлось бить, то, значит, некрепко еще слово мое супротив нечисти. Вот и выходит, что грешен. Перстни сии не кажи никому, пока за реку не переправитесь.

- Отче, я такой перстень у хозяина корчмы видел.

- Ему надо, ибо к нему всякий народ...и не народ заходит. Ну, ступай, сыне, благословить вас в путь непременно приду.

- Спаси тя Христос, отче, - искренне поблагодарил священника Никита, и, поклонившись, покинул храм.

Ужинали ожидаемо у наместника, правда, вчетвером, не считая слуг. За ужином наместник был молчалив, а после, попивая клюквенный морс, рассказал вот что:

- Не ведаю, правда или нет, а поведал один охотник, что живет на Лекшме-реке, там деревня так и называется – Лекшма, что был он в лесу и видел диво дивное: - леший не леший, а и не человек, ибо ростом с полтора человека, одёжи никакой нету и весь шерстью оброс как медведь. Только заместо медвежьей морды – вроде как человечья, когтей на передних лапах нет, пальцы. Ходит на задних лапах. Охотник его спугнул, мишка бы бежать бросился на четырех, а этот – на задних побежал. А шерсть на нем рыжая вся. Убежал от охотника, да, видно, недалеко. Охотник уж назад повернул, а этот ка-а-ак завизжал вдогонку...охотник аж до самой деревни как на крыльях летел. Рассказал своим про такое диво. Мужики там не робкие, собрались человек десяток, рогатины взяли как на медведя и пошли искать чудище. Не нашли никого, только три кучи дерьма, вроде как человеческого, только больше медвежьих лепех*.

- Никак ты, господине, нас напугать надумал? – с улыбкой спросил Русин, - так мы не деревенские, а княжеские, нам хоть лешего, хоть водяного давай – коли князь прикажет, то побьем. Да ведь и померещиться охотнику могло чудище это. Или что-то он не так углядел.

- Так, - вдруг подал голос обычно молчаливый Борг, - с моим дедом был случай такой: - поставил он сети на озере, потом поплыл на плоту проверять. Хорошо, что на плоту, а не в челне. Выбирает сеть потихоньку, сеть натянулась, видать, крупная рыба попала. Тянет он сеть, показалась щучья морда, а следом – крылья, как у ястреба! Дед чуть сеть не бросил, но не бросил, храбр был, потащил дальше с молитвой. Вытянул, щука в сажень, как бревно, а на спине мертвый ястреб. Видать, грелась щука на мели, ястреб и пал на нее, рыбки захотел, да та его под воду утянула как-то. Тоже ведь, ежели бы дед струсил и бросил сеть, то поведал бы дома, что чудище видел*.

- Что вы, и в мыслях не было пугать, так, ради опасу* рассказал, - слегка смутился наместник, - жалко, воеводы нет, он охотника того добро знает.

- Спаси Христос за хлеб-соль, господине, пойдем почивать, - поблагодарил хозяина Никита. Отроки встали, поклонились и пошли в молодечную.

- Слышь, Борг, а ты это басню сам придумал или слыхал где? – посмеиваясь спросил Русин.

- Чистая правда, - серьезно ответил Борг.

На следующий день с утра, сразу после завтрака, решили отроки на конях проехаться, характер их и способности в деле увидеть. Взнуздали, поседлали...и тут на двор прямо влетел донельзя встревоженный Вяхирь.

- Беда у меня, старшой! – выкрикнул он, еле переводя дух.

- Какая?

- А поехали до меня, до нашего подворья, сами увидите!

- Борг, подсади, - скомандовал Никита, - показывай, куда ехать.

Подворье Вяхиря было невелико, но в порядке – и двор подметен, и костер* наколотых дров в углу стоял, и, судя по мычанию и блеянию, скотина имелась. Однако, главное не это, а черная, с черным оперением стрела, воткнувшаяся прямо над окошком.

- Вот откуль* она тут? Я сам охотник, всех охотников в городе да ближних деревнях знаю, никто таких не делает, да и вижу такую в первый раз, не с двойным, а с тройным оперением. Кто такими стреляет?

- Знаю, - вдруг заявил Русин, - о прошлом годе был я в Ростове с нашим гонцом. А там ордынский баскак* устроил игрища во граде. Его воины на конях по кругу скакали и с коней в щит стреляли. Точь – в точь такими стрелами. Одна чуть не в ногу мне попала, я близко видел. Ордынец подъехал и показывает мне на нее – дай. Я поднял и ему подал. Так что ордынская стрела.

- Откуда она тут взялась? Разве из купцов кто привез, так зачем? – недоуменно высказался Никита, - Руська, достань-ка ее, дай глянуть.

Тот встал на седло и выдернул стрелу.

- То ли стрелец слабый, то ли нарочно стрельнули несильно. Кабы всерьез – не вытащить бы так легко, - прокомментировал он, передавая стрелу Никите.

- Ну и кого спрашивать? Купец из оружейной лавки, может, и знает. Хозяин корчмы ежели и знает, то не скажет, не тот человек. А поехали, други, воеводу спросим. И пусть сыск проводит – кто в охотника Вяхиря стрельнул. Откуда ордынская стрела в городе. Вяхирь!

- Что?

- Выводи коня, хватит на чужих ездить.

Вяхирь споро вывел и поседлал такого же конька, как и у отроков, и все с места в галоп рванули на подворье наместника.

Воевода долго вертел стрелу в руках, велел принести лук, но стрела для местного лука-однодревки* была негодной. Тогда он послал к себе домой дружинника, и тот принес ордынский составной лук. Вот к тому стрела подошла, даже выстрелил воевода ею в стену молодецкой. Но на вопрос – откуда такая стрела в городе, если ни у кого, кроме воеводы, таких луков нет, ответить не смог. Стрелы у него были – аж двадцать штук, но он божился, что все на месте, в оружейной. Наместник вообще был поражен не меньше Вяхиря. Итог подвел Никита:

- Кто-то очень не хочет, чтобы мы ехали в Нянду. И этот кто-то храбр и хитер. Значит, на завтра выезжаем. Вяхирь!

- Что?

Поезжайте с Русинем до лесу, найдите муравейник и пропитайте муравьиным соком тряпицы, Русин знает, какие и где лежат. Борг!

- Я.

- Припасы в дорогу приготовь. Чтобы у каждого две суммы было, одна с едой, другая с доспехом. К вечеру все должно быть готово. А я – на пристань до корабельщиков.

Так в хлопотах и пролетел остаток дня. После ужина у наместника сразу улеглись спать и спали хорошо, никто не мешал.

Утром выехали на площадь перед храмом – отроки, Вяхирь и провожающие их наместник и воевода. На паперть вышел отец Александр, прочитал молитву и благословил отъезжающих, после чего вся кавалькада тронулась к парому. У паромы спешили, поклонились наместнику, Никита поблагодарил за гостеприимство, коней завели на паром, паромщики оттолкнулись от берега и налегли на длинные весла. Паром медленно поплыл к противоположному берегу. Причалили, вывели коней, оглянулись и помахали все еще стоявшим на берегу наместнику и воеводе, вскочили в седла и тронулись по дороге, которая представляла собой просеку с едва заметными следами колес. По местным меркам – широкий оживленный тракт, на котором местами даже две телеги могли разъехаться. Направо уходила широкая тропа на Калитинку, именно тропа, ибо туда на лодке было добраться быстрее, чем вокруг озера. Наши же путники двигались в сторону деревни Большая Шалга, а уж от нее дорога вела к Рягово.

Самым главным неудобством такого путешествия было то, что по неширокой дороге невозможно было ехать в ряд и непринужденно беседовать. Приходилось почти что орать, но уж очень хотелось поболтать наконец-то без посторонних ушей.

- Русин, ты как? – спросил Борг, - по земле пятками не волочишь? Коник-то не под твой рост.

- А ты и рад позубоскалить! Давно ли твои предки с кораблика на коника пересели, а туда же – наездник лихой! – не остался в долгу Русин.

- Ну как было быть белозерскому князю, ежели без наших он не мог справиться? Или, скажешь, не так? – съехидничал Борг.

- Ты это про что? Что мои предки князю худо служили? – взъерепенился Русин.

- Явно так, - рассудительно заявил Борг, - вон пришлось ему и Лешковичей звать на службу, аж из Турова, издалека.

- Лешкович сам прибежал в Белоозеро, то уже при моем отце было. Сам! Понял? – начал злиться Русин.

- Прибежал позже, да сел выше*, - продолжал подначивать Борг, - и ныне он, Лешкович, старшой, а не ты.

Тут доселе молчавший Никита решил прекратить вредные пререкания подчиненных и скомандовал:

- А ну-ка замолчите оба и слушайте лес, а не то из-за вас зверье разбегается, так орете.

- Ну вот, уж и поговорить нельзя, - уныло заявил Борг, а Русин издал не то стон, не то рык. Ему вдруг и вправду показалось странным, что князь старшим назначил не его, как-никак потомка старых белозерских бояр, побывавшего с гонцами в Ростове, и в Новгороде, а какого-то Лешковича. Подумал, но в силу в общем незлобного характера решил для начала поспрашивать Никиту – почему они из далекого и нетронутого Ордой Турова переехали аж в Белоозеро.

Шалгу проехали без задержки, только водицы испили у приветливой девки возле колодца. Есть еще не хотелось, натертые тряпками с муравейника лица и руки не страдали от мошкеры. Вообще в те времена люди легче переносили неудобства нахождения на природе. Например, у клещей не было почти никаких шансов напасть на путника, ибо тот был обут в сапоги с портянками, в рубаше с длинными рукавами и глухим воротником, а без шапки дальше своего двора ни один нормальный муж не вышел бы. Женщины были упакованы еще надежнее. Это через долгие семьсот лет человек пойдет «на природу» в майке, шортах и шлепанцах, представляя из себя подарок для клещей, мошкеры и оводов, а также источник дохода для производителей спреев и другой бытовой химии. Но это будет нескоро, поэтому вернемся к нашим друзьям, которые под жарким солнцем чуть ли не дремали в седлах, как вдруг Никита, как и положено старшому, встрепенулся:

- Чу! Вроде кричит кто!

- Ага, так и есть, - подтвердил Борг, а Русин отцепил от сумы с поклажей самострел и взвел его, наложив болт*. Затем мягко спрыгнул с коня, подав повод Боргу, а сам безшумно, пригнувшись, нырнул в придорожные кусты. Борг тоже, перекинув поводья обоим коней на луку своего седла, взялся за самострел, а Никита вынул меч и положил поперек седла перед собой. Некоторое время все было тихо, но вдруг раздался некий особенный свист из-за поворота дороги.

- Руська свистит, - кивнул утвердительно Борг и тронул коней вперед, не убирая, однако, самострел. Но первым за поворот выехал Никита и остановил коня. Посреди дороги стоял Русин с самострелом, а на толстеном сосновом суку на высоте чуть выше сажени* висел подвешенный за одну ногу человек. Видимо, он устал и висеть, и звать на помощь, поэтому молчал. Никита кивнул Русину, тот вскочил в седло и подъехал к висющему. Сверкнул меч, и человек рухнул прямо в руки Русину, который, смягчив падение, не очень церемонясь опустил человека на землю и спрыгнул с коня сам, несколько сильнее, чем нужно, похлопал человека по щекам. Тем временем Никита и Борг разглядывали спасенного. Муж ростом был невелик, но и не мал, светловолос, одет был просто, но добротно. Борода и волосы были аккуратно подстрижены, на поясе висели пустые ножны от короткого меча. Человек застонал, открыл глаза и попробовал вскочить, но, видимо, голова закружилась – упал. Потом все-таки аккуратно сел и обреченно вымолвил:

- Ну грабьте, чего устались? Мешок в кустах, меч там же. Только жизни не лишайте.

- Ты, человек, никак нас за татей принял? – поинтересовался Никита.

- А кто еще на честных людей петли ставит, а? – зло спросил человек.

- Ты не ори, а поблагодари за то, что тебя на сыру землю воротили, а то висел бы неведомо сколько, - съязвил Русин, - и думай головой – с кем говоришь. Мы – дружинники князя Глеба

Белозерского, а тут по его делу. Так что, виру платить за поносные слова на княжьих мужей будешь?

- Мужей... - проворчал человек, - а не молоды для мужей?

- Надоел, - заявил Борг, вытаскивая из-за голенища плеть.

- Погодь, - Никита спрыгнул с коня, - а сам ты кто будешь? Дело пытаешь, али от дела лытаешь? И чего в этих краях потерял?

- Потерял... голову чуть не потерял, думал – вот она, смертушка, да тут вы, люди добрые, не дали сгинуть. Спаси вас Христос, - и поднявшийся на ноги путник поклонился отрокам.

- Так кто ты есть-то? – повторил Никита вопрос.

- Да торгую я помаленьку, товар мой мелкий, да дорогой. Хожу по деревням. Хотел до Конды дойти, там можно славно расторговаться.

- А товар-то где? И пошто пехом? – Никита стал спрашивать более подробно, как будто почуял нечто.

- Погодьте, - и торговец полез в кусты, повозился там и выволок на дорогу довольно большой мешок с лямками, - вот товары, все тут. Иголки, нитки, ленты шелковые да атласные, ложки резные, есть и костяные, бисер... товарец мелкий, да недешевый.

- Понятно, - досадливо сморщился Никита, - звать – то тебя как?

- А звать меня – Иванко, прозвище – Вrabий.

- Вяхирь, ты не знаешь его? – обернулся Никита к проводнику.

- В городе видел на торгу, а так – не знаю. Наверно правду говорит, - как-то чересчур равнодушно ответил Вяхирь, - я с ним дел не имел и иметь не хочу.

- Ха-ха-ха! – засмеялся Русин, - вrabий, а летать не научился, висел на веревке!

- Летать я и вправду не научился, - тоже засмеялся Вrabий, - невеликая я птичка, а вот клюнуть могу больно-пребольно!

Тут он стремительно подскочил к Русину, вскинул к его лицу правую ладонь, а левой, ребром, рубанул по правой Руси́на чуть выше локтя, да так, что парень вскрикнул и схватился за место удара.

- Стой! – Никита остановил Борга, готового кинуться в драку. А Русин и сам вперед бросился, рубя рукой перед собой как мечом, но Вrabий рыбкой прыгнул вперед, приземлился на руки, сделав стойку, и двинул Руси́на ногой в живот, а когда тот, хватая ртом воздух, согнулся пополам, прыжком встал на ноги и хватил Руси́на кулаком по шее, отчего тот рухнул на дорогу. Вrabий замер, с улыбкой глядя на Никиту.

- Не чаял я в здешних краях калику перехожего* встретить, - Никита покачал головой и обратился к Вrabию, - видел я такой бой, когда еще малой был. А ножи в рукавах?

Вrabий так же с улыбкой неуловимым движением выхватил из рукавов два коротких ножа, крутанул и спрятал обратно, а Никита повернулся к Русину:

- Ты как, встать сможешь?

Русин, кряхтя, сел и несколько виновато посмотрел на Никиту.

- Как он меня, а? Я такого нигде не видел.

- Добро, что он без клюки, а то бы еще больше досталось. Ну что, надо тебе, брате, роздых дать, так что встаем на привал. Заодно и пообедаем. Борг, привяжи коней. Вrabий, хлеб с нами переломи да поведай – как ты такой ловкий в петлю угодил? – Никита был очень серьезен и собран, - и почему за купца себя выдаешь?

Чинно уселись на травку вокруг расстеленного рядна*, на которое были выложены мясо, хлеб и баклага с пивом, и когда плотно перекусили и опустошили баклажку, Вrabий начал:

- Спаси Христос, люди добрые, за хлеб-соль. Не калика я, хоть и бою ихнему обучен. Вправду купец, да только на ладью али телеги обозные все никак не заработаю. Вот и хожу с товаром в такие места, куда другие не суются, боязно. Глядишь, к старости и накоплю серебришка, да хоть в Каргополе лавку поставлю, буду как все на одном месте жить да оженюсь.

- Ныне же куда путь держишь, Иван? – спросил Никита.

- Так до Конды думаю дойти, а там погляжу – как расторгуюсь. Бают, там и чудские стойбища есть, а чудины наших цен не знают. С них мехами получить – втрое против нашей цены, а то и больше.

- А обратно как же с грузом?

- А обратно по Нименьге-реке до Волги, а по ней – в Онегу. До Усть-Волги долбленку в Конде куплю, а там до Усть-Моши* добрые люди пустят на струг али коч за малую плату. В Усть-Моше меха обменяю на соль, а с солью в Каргополь вернусь, там и продам за серебро.

- Эх ты круто развернуться хочешь, - удивился Русин, - а дрался-то зачем? А ежели бы я за меч взялся?

- Так меч и у меня есть, вот, - Вrabий вытащил из-под тюка свой недлинный меч и показал отрокам. Те уважительно покивали, поскольку в оружии разбирались, а меч оказался очень неплох, не булат, но близко.

- Что-то крутишь ты, Вrabий, - укоризненно произнес Никита,

- ты за этот меч сейчас можешь лавку поставить и еще на товар чуток останется.

- Нельзя, - строго ответил Вrabий, - меч от отца достался. Нас четверо братьев было, всем отец что-то оставил в наследство, Царствие ему Небесное. Ладью, лавку, лабаз, а мне, как меньшому, меч. Много от сего меча пользы. Надо товар в долг получить, покажешь такой меч – дают, видят, что не голь перекатная, да и так... не хватит тут на лавку с товаром.

- А про петлю-то сказывать не забыл? – напомнил Никита.

- Чего тут сказывать-то? Не сам же я ее на себя ставил. Не надо было ворон считать, лучше бы под ноги глядел. Кто ставил – не ведаю, раньше тут татей не водилось, я о прошлом годе тут торговал в Шалге и в Рягове, никто ничего не сказывал, да и мужи тут не робкие, татей сами бы извели. Так что откуда петля и на кого - знать не знаю и ведать не ведаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.